

Глава одиннадцатая

С тех пор как Хунши наконец произнес свои первые слова, Иньжэн под предлогом обучения младшего брата речи практически не отходил от него ни на шаг.

Чтобы не пасть жертвой язвительного красноречия своего несносного старшего брата, Хунши потребовалось меньше месяца, чтобы его речь стала совершенно беглой. С утра до вечера они обменивались колкими замечаниями, в шутливой форме учась противостоять явным и скрытым козням дворца, действуя в безупречном согласии.

Возможно, сказывалось преимущество прошлой жизни, а может, в этом крылось непостижимое чудо кровных уз.

Однако в глубине души Хунши все еще гнездилась тень тревоги. Теперь, когда он заговорил, ему нужно было как-то обращаться к окружающим. Называть госпожу Нала «Августейшей Матушкой»? Это не вызывало у него ни малейшего беспокойства. Обращаться к вдовствующей императрице Нюхуру как к «Августейшей Бабушке»? Тоже вполне приемлемо. Но называть Канси «Августейшим Отцом»?

Ну... это было действительно выше его сил. Он мог лишь утешать себя мыслью, что этот человек — император Иньчжэнь; в конце концов, все члены рода Aisin Gioro неуловимо походили друг на друга.

Как бы тщательно Хунши ни готовился к этой минуте в своих мыслях, при личной встрече его голос прозвучал настолько натянуто и неестественно, что Канси на мгновение скорчил странную гримасу.

Иньжэн лишь тихо посмеивался в сторону. Он слишком хорошо помнил, как сам долго мучился сомнениями, прежде чем впервые заговорить в этой жизни.

Разумеется, Канси остался крайне недоволен столь холодным поведением младшего сына. Каждый день-два он непременно посещал дворец Икунь, желая лично научить Хунши называть его отцом. Иньжэн же, проявив полное отсутствие братской солидарности, спешно ускользал под предлогом занятий каллиграфией, оставляя наедине хмурого императора и готового разрыдаться без слез Хунши.

Как-то раз Иньжэн случайно заметил крошечные красные одеяния, которые шила матушка Ли, и с удивлением осознал, что незаметно пролетел еще один год. Приближался первый день рождения Хунши — время проведения обряда первого выбора. Глядя на суету, царившую во дворце Икунь, Иньжэн лукаво улыбнулся.

Хунши по своему рождению был законным сыном императрицы, да и отношения между императорской четой в последнее время стали заметно теплее. Служащие Палаты дворцового хозяйства не осмеливались проявлять халатность при подготовке к первому дню рождения

Хунши. Все дела по организации праздника незамедлительно докладывались императрице, и госпожа Нала спокойно, без лишней суеты распределяла обязанности.

Когда-то первый месяц жизни Иньжэна прошел в незаслуженном забвении, но в этот раз она не позволит обделит вниманием своего младшего сына. Что же касается того, не вызовет ли это чью-то зависть... Госпожа Нала мало пеклась об этом и ничуть не боялась. Законным сыновьям императрицы в любом случае суждено было стать мишенью для чужих интриг, так к чему же умышленно ущемлять себя?

Госпожа Нала задумчиво перебирала свои длинные серебряные наконечники для ногтей, устремив взгляд куда-то вдаль.

«Иньжэн ведет за собой Хунши, да и я сама в этом дворце — далеко не беспомощное украшение!»

Право присутствовать на обряде выбора имели лишь члены императорской семьи и ближние князья, так что торжество считалось закрытым домашним пиром.

Для новорожденного принца это был первый случай предстать перед взорами старейшин рода, и именно тогда складывалось их первое мнение о его характере. Предметы, раскладываемые на столе, мало отличались из года в год, но каждый из них нес в себе глубокий символический смысл. Выберешь нечто слишком выдающееся — сразу превратишься в мишень для завистников; выберешь пустяк — останешься посмешищем на всю оставшуюся жизнь. К тому же вещь, к которой тянулось дитя, обычно отражала помыслы и устремления тех, кто его воспитывал. И все же главным оставалось отношение самого императора.

В своей прошлой жизни Иньжэн одной рукой схватил «Канон сыновней почтительности», а другой крепко вцепился в «Лунь Юй». Иньжэн едва сдерживал смех всякий раз, когда вспоминал, как вытянулось лицо его брата, когда тот услышал об этом случае. Хунши, раздраженный самодовольным тоном старшего брата, последние дни то и дело бросал на него обиженные взгляды, на что Иньжэн лишь отвечал выражением абсолютной невинности.

В конце концов Хунши решил махнуть на все рукой.

«Стану праздным, никчемным принцем! Самым настоящим повесой!»

Иньжэн лишь мягко улыбнулся на эти мысли.

— Ступай, — негромко произнес он. — Твой старший брат тебя защитит.

Услышав это, Хунши мгновенно сник. Он взобрался на колени к Иньжэну и проворчал:

— Брат — плохой человек.

Иньжэн слегка ущипнул его за пухлую щеку и с напускным вздохом покачал головой:

— Тебе уже столько лет, а ты все еще капризничаешь, как дитя?

Хунши состроил плаксивую гримасу:

— Мне еще и года не исполнилось!

Иньжэн удивленно приподнял бровь:

— Вот как?

Хунши окончательно сдался, улегся на грудь брата и принялся лениво перебирать его пальцы.

Иньжэн с улыбкой наблюдал за этой детской попыткой отомстить. Он расслабился, откинувшись на мягкие шелковые подушки, и обнял малыша за плечи, свободной рукой перебирая его тонкие волоски, собранные на затылке в крошечный хвостик.

— Когда придет время, бери все, что понравится, — негромко прошептал он. — Лишь бы это не нарушало запретов. Я никому не позволю тебя обидеть.

Хунши ничего не ответил, лишь теснее прижался лбом к груди брата. Иньжэн закрыл глаза, мерно похлопывая его по спине.

Зимнее солнце, заглядывавшее в окно, дарило удивительное тепло.

В день праздника, как бы Хунши ни сопротивлялся, матушка Ли все же облачила его в то самое праздничное ярко-красное одеяние, над которым он недавно посмеивался. Мальчик лишь угрюмо отвернулся, стараясь не замечать насмешливой улыбки Иньжэна, стоявшего подле императрицы.

В зал внесли огромный резной стол, на который аккуратно усадили именинника. Хунши окинул взглядом разложенные перед ним вещи. Он лениво ткнул пальцем в один предмет, отбросил его, затем переполз на другую сторону, присмотрелся к чему-то еще и снова двинулся дальше. Он недовольно сжал губы.

«Эти вещи совершенно бесполезны! Зачем только выставили столько праздных безделушек, губящих всякое стремление в душе?»

Вдруг взгляд его замер. Маленький самострел! Вот это другое дело! Династия Цин всегда чтит воинские искусства, к такому выбору никто не сможет придаться.

Хунши довольно прищурился и крепко прижал к себе игрушечное оружие. Взглянув на Иньжэна и заметив его теплую, полную нежности улыбку, мальчик поддался внезапному порыву. Удерживая самострел одной рукой, он неуклюже пополз по столу в сторону брата.

Заметив, что малыш выбрал оружие, Иньжэн одобрительно улыбнулся. Но стоило ему увидеть, как кроха с сияющей улыбкой ползет прямо к нему, он сразу понял, что этот маленький проказник задумал очередную шалость.

Добравшись до самого края стола, Хунши протянул свои короткие ручки и отчетливо произнес:

— Брат... Брат...

Никто из присутствующих не заметил, как в это мгновение Канси едва заметно помрачнел.

Услышав этот призыв, Иньжэн мысленно вздохнул: «Так я и думал». Он шагнул вперед и бережно подхватил брата на руки, не дав тому поднять притворный плач.

Хунши тут же залился звонким смехом. Он обхватил лицо Иньжэна своими крошечными ладошками и звонко поцеловал его. Однако из-за разницы в росте его поцелуй, предназначавшийся для лба, пришелся прямо в уголок губ старшего брата.

От этой неожиданной нежности Иньжэн буквально окаменел. Когда он наконец пришел в себя и взглянул на веселящегося Хунши, в его мыслях все еще царил полное замешательство.

«Меня разыграли! Этот бесстыжий мальчишка только что воспользовался моим замешательством!»

Госпожа Нала, глядя на разгневившегося старшего сына и счастливого младшего, прикрыла лицо шелковым платком, сдерживая смех.

Канси, наблюдая за обнимающимися детьми, громко рассмеялся, хотя в глубине его глаз промелькнула сложная, трудночитаемая гамма чувств.

— Эти двое братьев и впрямь души друг в друге не чают, — с улыбкой заметила вдовствующая императрица.

Остальные гости тут же поспешили наперебой хвалить Хунши, восхищаясь его умом, истинно маньчжурской статью и предрекая ему славное будущее отважного воина.

Праздник первого выбора завершился полным успехом. Теперь все при дворе знали, что Хунши выказывает склонность к военному делу. Император, хоть и не проронил больше почти ни слова, на протяжении всего вечера не сводил глаз с сына.

Кроме того, придворные еще острее осознали, насколько привязаны друг к другу молодые принцы.

Шли годы, Хунши научился уверенно ходить и бегать, но они с братом по-прежнему оставались неразлучны. Со временем их постоянное совместное появление стало казаться всем обитателям дворца самым естественным делом на свете.

Три года пролетели незаметно. Жизнь в запретном городе была ключом. Линь-фэй, консисторская наложница Си и благородная дама Лань вели непрестанную борьбу за благосклонность государя. Линь-фэй все же оказалась хитрее своих соперниц, что вынудило наложницу Си и даму Лань объединить усилия, благодаря чему в гареме установилось шаткое равновесие. Благородная супруга Чунь, несмотря на частые недомогания, время от времени не упускала случая тайно подлить масла в огонь. Супруга Шу спокойно занималась воспитанием Юнзина; они с сыном только привыкали друг к другу, и у нее не оставалось сил для участия в гаремных распрях, так что она лишь безучастно наблюдала за происходящим со стороны. Остальные наложницы, за исключением наложницы Вань, которая проводила дни в уединенных молитвах Будде, также время от времени вмешивались в интриги.

Госпожа Нала лишь безучастно пила чай, наблюдая за этим представлением. В свободное время она шила одежду для сыновей, порой лично представляла Канси молодых способных девушек, чтобы сделать гаремные воды еще более мутными, и часто сопровождала вдовствующую императрицу в ее молитвах, смиренно испрашивая советов по управлению дворцом. Вдовствующая императрица Нюхуру, хоть и старалась казаться безучастной ко всему, постепенно прониклась к невестке искренней симпатией, находя ее исключительно почтительной и благонаправленной. Разумеется, эта благосклонность распространилась и на Иньжэна с Хунши.

Принцы прекрасно понимали старания матери, а потому неизменно выказывали вдовствующей императрице крайнее почтение, легко заставляя пожилую госпожу улыбаться от души.

Юнци, отдалившийся от дворца Милосердия и Покоя, по воле случая сблизился с Линь-фэй. Он стал частым гостем во дворце Продления Счастья, где навещал своего болезненного Юньлу. Его родная мать, супруга Юй, лишь в бессильной скорби комкала в руках шелковые платки, не осмеливаясь вмешиваться в его дела.

В двадцать первый год правления Канси князь Юй и князь Ци, стяжавшие великую славу на полях сражений, пали в бою. Супруга князя Юя, не перенеся горя, покончила с собой, оставив сиротой восьмилетнюю дочь. Жена князя Ци ушла из жизни еще раньше, оставив супруга единственную наследницу.

Канси с почестями похоронил верных вассалов и повелел забрать малолетних княжон во дворец на казенное содержание. Вдовствующая императрица оставила при себе дочь князя Юя, принцессу Цин (Цин-эр), пожелав лично заняться ее воспитанием. Дочь князя Ци, Ланьсинь, была официально записана на имя императрицы и поселилась во дворце Икунь.

Участь имперских принцесс в большинстве своем была незавидной: окруженные роскошью в детстве, они были обречены на замужество в далеких монгольских степях, где и находили свой последний приют. По этой причине во дворце их старались окружать особой заботой. Эти же две девочки, будучи дочерьми павших героев, не подлежали отправке на дальние рубежи, однако их судьба все равно оставалась лишь ценной наградой для будущих заслуженных мужей. Из-за этого знатные столичные дамы выказывали им необычайную приветливость.

Принцесса Цин отличалась кротким и тихим нравом. Почти все время она проводила в буддийском храме дворца Милосердия и Покоя, переписывая сутры и соблюдая траур по родителям.

Иньжэн, помня свою пятую сестру из прошлой жизни, относился к Ланьсинь с исключительной теплотой. Хунши также радушно принял новую родственницу, невольно вспоминая сестру из своего прежнего существования.

Хотя Ланьсинь было всего восемь лет, она росла смышленной и послушной девочкой, однако ее характер казался слишком мягким и уступчивым. Иньжэн незаметно поручил матушке Ли дать несколько наставлений матушке Цуй, прибывшей во дворец вместе с молодой княжной.

Госпожа Нала, когда-то потерявшая родную дочь, полюбила Ланьсинь всем сердцем. Помня о намеках Иньжэна, она решила подготовить девочку к суровой правде жизни. Всякий раз, когда императрица разбирала дворцовые дела, она держала Ланьсинь подле себя, терпеливо разъясняя ей скрытые пружины гаремного управления.

Матушка Цуй поначалу недоумевала, но после нескольких бесед с матушкой Ли окончательно приняла сторону дворца Икунь.

Каждое утро госпожа Нала отправлялась засвидетельствовать почтение вдовствующей императрице, непременно беря Ланьсинь с собой. Девочка вместе с принцессой Цин помогала старой госпоже в молитвах и подносила ей собственноручно переписанные сутры, за что заслужила похвалу за примерное дочернее благочестие.

Ланьсинь была глубоко признательна императрице за материнскую заботу, искренне полюбила Иньжэна и Хунши, а ее живой и ласковый нрав вскоре пришелся по душе и самому Канси.

Поскольку три самые влиятельные фигуры во дворце благоволили Ланьсинь, придворные спешили выказать ей свое почтение. Вскоре в столице ее стали уважительно именовать «принцессой Лань», и ее слава затмила всех остальных дворцовых принцесс.

Всегда найдутся те, чьи сердца переполняет зависть, и далеко не каждый способен скрывать свое недовольство и действовать расчетливо. Госпожа Нала и Иньжэн пристально следили за безопасностью девочки, отводя от нее смертоносные удары, но сознательно позволяли ей сталкиваться с жестокой правдой жизни. Под их защитой маленькая княжна быстро усвоила законы выживания во дворце и начала стремительно взрослеть.

Глядя на то, как Ланьсинь теряет детскую наивность, превращаясь в сдержанную и рассудительную принцессу, Иньжэн со вздохом прижимал к себе Хунши. Тот лишь молча утыкался носом в его плечо, выказывая брату полное доверие.

Время неумолимо шло вперед. Приближался день, когда Иньжэн должен был переступить порог Императорской школы. Вспоминая изнурительные занятия с пяти утра до девяти вечера, некогда робкий Иньжэн погружался в уныние. Хунши, предчувствуя долгие одинокие дни без своего старшего брата, также ходил темнее тучи.

Видя двух обычно жизнерадостных мальчиков столь печальными, все обитатели дворца проникались к ним глубоким состраданием. Стоило детям немного покапризничать, как добрая старая госпожа из дворца Милосердия и Покоя уступила их просьбам и разрешила им ненадолго покинуть Запретный город ради прогулки, выделив для их охраны многочисленный отряд гвардейцев.

Тяжелая карета неспешно катилась по мостовым Пекина. Зная, что молодые господа не любят присутствия посторонних, когда остаются наедине, Линь Яо и Ли Сян скромно устроились на козлах, оберегая покой пассажиров.

Иньжэн отрешенно смотрел в окно. В его взгляде смешались светлая грусть, тоска по прошлому и какая-то глубокая нерешительность. Хунши молча наблюдал за ним, гадая, что же могло заставить этого обычно гордого человека столь явно сомневаться.

Легкий порыв ветра приподнял плотную шелковую занавесь окна. Хунши успел заметить сквозь щелку старый, заброшенный и явно обветшалый усадебный дом.

В то же мгновение в его сознании вспыхнула догадка.

Он наконец понял, что так долго мучило его брата.

Это были владения потомков Великого князя Ли первого ранга — наследников его прошлой жизни.